
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СВЕТЕ ПОЛЬСКОГО И РУССКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

Иоанна Коженевска-Берчинска

Кафедра русского языка
Высшая Школа ТВП
пл. Дефилад 1, Варшава, Польша, 00-901

*Данный текст посвящается светлой памяти
неожиданно ушедшего от нас необыкновенного
человека, профессора Джеффри Лича*

Сегодня ширится мода на межкультурную коммуникацию, понимаемую как *категория воздействия на развитие языка*. Отсюда вопрос о влиянии моды на успешный межкультурный диалог, о «благородной моде» не только выслушать, но и услышать другого и с готовностью признавать его аргументы [1].

В результате представляется просто необходимым обоюдное наличие знаний о нормах речевого поведения, освоение которых является необходимым фактором любого взаимопонимания.

Поскольку жанр статьи предполагает «пространственные» ограничения, предметом данных рассуждений являются лишь элементы в первую очередь польского речевого этикета как культурного феномена, неизвестного русской аудитории. Используя когнитивную силу сравнения, внимание уделяется и русской категории «языковой вежливости». Предметом анализа являются польские и русские адресативы (обращения); формы приветствия и прощания; типичные речевые акты, а именно: просьба, благодарность, извинение.

Ключевые слова: коммуникативная культура, нормы речевого поведения, адресативы, типичные речевые акты, польский индивидуализм, польская «индивидуалистская» вежливость, национальный характер, аксиологический фундаментализм, адресат, адресант, соборность, стратегия общения.

1. О ПОЛЬСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ

Я исхожу из предпосылки, что в названных границах польская «индивидуалистская» вежливость во многом отличается от «соборной» русской [2].

Прежде чем приступить к основным рассуждениям по названной проблематике, представляется полезным краткий экскурс с целью определить некоторые свойства польского национального характера, в котором (кстати, как и в любом) наблюдаются, естественно, как достоинства, так и недостатки. Исходя из темы статьи, считаю полезным сосредоточить внимание на тех недостатках, которые не только потенциально, но и неизбежно затрудняют межкультурную (особенно «соседскую») коммуникацию.

В этом аспекте основным препятствием является именно польский индивидуализм (*где двое поляков, там три разных мнения*). Он выражается, пожалуй, главным образом, в (нередко чрезмерном) уважении прав личности. Сказанное способствует излишней обидчивости и подозрительности. На качественность любого, в том числе межкультурного, общения оказывает также влияние гиперболизация национальной гордости (польский национальный гонор). Поляки, как правило, легко ранимы. Отсюда влечение к склопничеству и некритичное отношение

к самому себе. Следует также напомнить о живучести идеи польского мессианства, а значит, и неординарности, даже избранности. Кроме того, толерантность в польской культуре часто носит лишь декларативный характер («*есть, конечно же, две точки зрения: твоя и правильная — моя*»).

Названные свойства польского мировидения, мировосприятия, как и некоторые другие, мотивированы во многом нашей историей, нашим прошлым, в котором надо было противостоять агрессии соседей, когда сопротивление было просто необходимым [3]. Так, пожалуй, сформировался, особенно среди влиятельных кругов, бытовой аксиологический фундаментализм, согласно которому мы — всегда невинные жертвы произвола, а постоять за нашу (единственную) правду — патриотический долг. Сказанное исключает диалог, который... *возможен... как знак чужой смысловой позиции*, т.е. — как возможность выразить свое мнение, слыша, однако, и чужой голос [4].

Естественно, эта рефлексия Бахтина имеет всеобъемлющий характер, ибо относится к обеим «сторонам» межкультурного диалога. Тем не менее, в польской культуре общения превалирует индивидуализм, гордыня и уверенность в своей правоте, а эти «некачественные качества» затрудняют любую коммуникацию. Мы не очень умеем, слушая, слышать другого, и воздействие этого фактора усиливается, если наш собеседник представляет иную культуру.

Кстати, мы (т.е. — не только поляки) не всегда готовы и выслушать, и понять другого, часто не хватает вербальных подтверждений установки на достижение согласия.

И еще о польском национальном характере: мы извечные жертвы произвола, страдающие комплексом неполноценности. В этом месте следует добавить, что наш индивидуализм становится второстепенным во всех пограничных ситуациях, когда необходимы коллективные действия во спасение пострадавших по разным причинам. Это свойство можно назвать непостоянной отзывчивостью.

2. ОСОБЕННОСТИ ПОЛЬСКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

В данной статье принимается во внимание некоторый динамический канон, который систематически (в значительной степени) подвергается разрушительному влиянию упрощенной вежливости наших дней. По моим наблюдениям, этот польский классический канон сегодня является довольно универсальным, хотя не обходится без нарушений равно со стороны молодого поколения, масс-медиа, в том числе — рекламы, а также сферы бизнеса.

Сказанное в разной степени относится к категориям вежливости, которые представлены ниже в сравнительном аспекте.

2.1. Адресативы

Итак, адресативы *proszę pani*, *proszę pana* и собирательное *proszę państwa* — самые универсальные для нашей культуры обращения. Нами осознается факт, что россияне воспринимают эти формы вежливости неадекватно, все время жив стереотип: *у вас все паны*. На самом деле названные адресативы употребляются во всех формальных ситуациях, а также тогда, при обращении к незнакомым

или малознакомым, причем абсолютно безотносительно к социальному статусу адресата. Примеры: преподаватель к студентам, шеф к своим подчиненным, в том числе — к уборщицам. Есть еще одна типично польская особенность употребления представленных выше обращений. Она сводится к тому, что мы в подобных ситуациях учитываем научные звания или престижные должности адресата, например: *panie profesorze, panie doktorze, pani mecenas, panie dyrektorze*.

Анализируя типичные польские адресативы, целесообразно еще сказать об асимметрии в этой области. К подчиненным мы вполне можем обращаться, используя адресативы с именем собственным в звательном падеже. Например, профессор к студентам *pani Basiu, panie Janku*, однако недопустимо «обратное»: такое же обращение студента к преподавателю.

В свою очередь *ty* — универсальное обращение в молодежной среде, а в любой конфликтной ситуации оно употребляется с целью обидеть, унижить. Естественно, эта форма приемлема по отношению к детям, в том числе — к ученикам, но только среднего возраста. Однако к абитуриентам, и, естественно, к студентам, преподаватели обращаются, употребляя универсальные формы *pan, pani proszę państwa: panie Vladislavie, pani Mario... proszę państwa* (если мы обращаемся к любой группе адресатов).

Польское *wy (вы)*, так популярное в русской культуре, недопустимо как обращение ни к отдельному человеку, ни к любой социальной группе, оно просто не функционирует в сфере вежливости, а его применение — признак невоспитанности. Следует сказать еще и о том, как обращаются дети к родителям. Обычно это форма *ты*, но не вышла еще из употребления считающаяся архаической форма третьего лица: *tato, czy tata pozwoli...*, соответствующая, пожалуй, русскому *мама, разрешите ли вы...*

В публичной коммуникации так же недопустимы адресативы, семантически соответствующие русским: бабушка, дедушка, девушка, молодой человек и особенно — мужчина, женщина. Можно отметить, что наличие подобных обращений в русской культуре общения вызвано отсутствием универсальной формулы, соответствующей *pan, pani*.

2.2. Приветствие и прощание

Приветствие и прощание составляют рамки любого коммуникативного акта. В польской норме имеется универсальное при любой встрече *dzień dobry*. Отсутствует русское различие между временным употреблением *доброе утро* и *добрый день*, и только на склоне дня принято употреблять формулу *dobry wieczór*.

Я считаю полезным добавить, что за последних два-три года очень популярной стала форма *witam*, которая в переводе на русский язык близка по семантике русскому *привет*. Это, по моему мнению, не только мода, это просто эпидемия, которая ширится вопреки тонкому вкусу. Вместе с тем она приемлема лишь тогда, когда к тебе пришли гости или же — на радио и телевидении, когда гости приходят в студию к ведущему. Кроме того, и здесь наблюдается асимметрия в выборе форм: так может обращаться любой вышестоящий к своим подчиненным, но никогда наоборот.

С прагматической точки зрения важны также этикетные акты прощания. Семантическая суть универсального *do widzenia* или *do widzenia* + обращение (*panie doktorze*) обоснована, естественно, многочисленными внеязыковыми обстоятельствами.

Уместно употребление формул *do zobaczenia*, *widzimy się za tydzień* (до свидания, увидимся через неделю), а в последние годы уж очень конвенциональное, далеко не всегда искреннее — *będziemy w kontakcie*. Можно согласиться, что *поляки, как правило, знают, какие формы вежливого вербального контакта можно применять, если мы «на ты», а какие обязывают при соотношении на *pan* — *pani** [5]. Естественно, вопрос о выборе осложняется в пространстве межкультурной коммуникации.

Знаком времени можно считать пришедшую из торговли формулу *milego dnia*. В данной ситуации мы имеем дело с калькированием из английского *Have a nice day*. Таким образом выражено прощание, которое может располагать к очередным встречам.

2.3. Просьба, благодарность и извинение

Proszę — dziękuję — przepraszam (пожалуйста, спасибо, извините) — это польские этикетные слова, которые составляют модель вежливого, даже безукоризненного речевого поведения; они организуют осуществление «хотеть» на линии адресант-адресат [6].

В польской культуре просьба имеет довольно много вариантов; *proszę* (букв. прошу) может апеллировать к разным чувствам, разным эмоциям адресата, выражая, например, сочувствие, нежность, волнение, даже жалость. Это слово служит для того, чтобы вызвать у адресата желание осуществить ожидания адресанта. Языковая особенность вежливости в этой области заключается в употреблении повелительного наклонения, которое, казалось бы, не согласуется с просьбой. Кстати, сказанное относится и к русской культуре общения, например, употребление «волшебных слов» *proszę* и *bardzo proszę* смягчает семантику повеления. *Podaj proszę* (подай, пожалуйста) и *proszę mi podać* (прошу мне подать) — варианты неформальной и формальной коммуникативных ситуаций. *Proszę (nie przeszkadzać, słuchać, uważać)* (Прошу (не мешать, слушать, быть внимательным)) (обращение учителя — к ученикам) — очередные модели «смягченного повеления».

В просьбе может также заключаться «повелевающий совет»: *proszę, nie pal tyle* (Пожалуйста, не кури так много); *Proszę, pójdz do lekarza* (Пожалуйста, сходи к врачу). Нередко таким образом выражается стремление убедить в чем-то адресата: *Proszę, nie wutagaj ode mnie aż tyle* (Прошу, не ожидай от меня многого). Возможно выражение таким образом требования: *Proszę, nie wracajmy do tego tematu* (Прошу не возвращаться уже к этой теме); *Proszę, skończmy z tym raz na zawsze* (Пожалуйста, покончим с этим раз и навсегда). И еще: «чистое» повеление: *Proszę natychmiast wyjść!* (Выйдите немедленно!); *Proszę nie zabierać głosu!* (Прошу не высказываться на эту тему). Называя коммуникативные ситуации, в которых употребляется этот оборот вежливости, надо сказать, что он смягчает «чистое» по-

веление, но также может разрешать, даже поощрять к действию: *proszę bardzo* (милости просим), *możemy o tym porozmawiać* (можем об этом поговорить).

В заключение краткого анализа ситуаций применения этого маленького словечка, следует сказать, что оно может выражать удивление, а эта модальность подчеркивается соответствующей интонацией: *no i proszę; proszę, proszę!* Имеются еще распространенные ситуативные варианты *proszę, bardzo proszę* (*прошу, очень прошу*), которые используются тогда, когда исчерпан репертуар аргументов, например: *Proszę, nie mówmy już o tym; bardzo proszę nie manipulować!* (*Пожалуйста, не будем уже говорить об этом; Прошу не манипулировать*).

Итак, проанализированные обороты вежливости располагаются в пространстве между повелением и просьбой, причем надо принять во внимание, что различие между ними заключается в том, что *просьба дает адресату право отказать, а повеление — нет* [7].

«Пожалуйста» Т.В. Ларина называет волшебным словом. Его семантическое соответствие имеет в польской культуре такой же статус [8]. Прагматическое отличие, как мне кажется, в том, что в польском языке смягчающее *proszę*, употребляется чаще, чем в русском, хотя не исключается употребление форм повеления: *posiedź ze mną, czekam na ciebie jutro, będę ci wdzięczny, jeżeli...* (*побудь со мной, жду тебя завтра, я буду тебе обязан*) и т.п. Если для выражения русской просьбы характерны *прямолинейность, императивность*, то в польской культуре присутствуют все эти компоненты, однако с участием нередко преобладающей косвенности [8].

В свою очередь — об извинении, которое в польской культуре общения играет огромную роль. Слово *przepraszam* (*извините*), а тем более в сопровождении усилителей *bardzo, wybacz* (*очень прошу, извини, прости, пожалуйста*), еще более насыщено эмоциями, особенно если выступают в сопровождении вышеназванных усилителей. Фамильярное и новое в польской культуре *pardon* играет также роль громоотвода во многих конфликтных ситуациях. И наоборот: отсутствие извинения не аннулирует конфликта, даже может его усилить, так как участник коммуникативного акта остается обиженным или униженным. Сказанное относится также к общественному пространству, например, в ситуациях, характерных для городского транспорта, когда толпа вызывает злые эмоции, тем более в случаях, если кто-либо нас толкнул, опирается на нас и т.п.

В русской культуре подобные обстоятельства не всегда вызывают возмущения, и это, как метко отмечает Т.В. Ларина, связано с присутствующей в культуре наших соседей контактностью. Однако для польского индивидуализма игнорирование конфликтных ситуаций приравнивается к оскорблению и вызывает обиду. Вместе с тем русские не отличаются особенной восприимчивостью, причем извинения даются им с некоторым трудом. Иначе говоря, они... *извиняются при наличии повода для извинения* [8]. Однако дело в том, что, сопоставляя в этом аспекте польскую и русскую культуру, мы отмечаем тот факт, что и поляки извиняются тогда, когда есть повод, но этих поводов они находят намного больше. Например, если мы кого-то толкнули, если нечаянно наступили на ногу, даже если спрашиваем незнакомого о дороге, об адресе и т.п.

Коммуникативно существенной, разумеется, и в межкультурной коммуникации, является *благодарность*. Сопоставляя функционирование этого акта в обеих культурах, нетрудно отметить, что в русском языке имеются два слова: *спасибо* и *благодарю*, а в польском лишь *dziękuję* и его разговорные варианты. Изучая это различие, я обратилась к лексикографическим источникам, но не нашла там существенной информации. Мой прагматический опыт общения с русскими может показать лишь стилистическое различие: *спасибо* употребляется в нейтральных и неформальных ситуациях, а *благодарю* — в формальном общении. В польской культуре *dziękuję* — это универсальное проявление вежливости. Таким образом, *dziękuję* с учетом разных вариантов считается так же, как и *przepraszam*, магическим. Мы их употребляем очень часто, можно сказать, что неоднократно, это неконтролируемое, просто автоматическое употребление. Мы выражаем благодарность, даже если формально ситуация не требует благодарности, отсутствие этого слова в коммуникативном акте расценивается как проявление невоспитанности. *Dziękuję* выражает следующее: Я хочу, чтобы ты знал, что я тебе благодарен. Надо согласиться, что таким образом адресант *проявляет свое удовольствие, свою признательность, пробуждая у адресата чувство удовлетворенности за труд реализации ожиданий адресанта. Если dziękuję относится к прошлому, то одновременно открывает двери дальнейшим „proszę”, поощряя адресата к подобным действиям в будущем* [6].

Общепринятые границы акцентирования благодарности таковы: выражение адресату благодарности, удовольствия или даже радости от полученной помощи: *tak bardzo ci dziękuję*. Однако посредством этой формулы можно также отказаться от помощи, от вмешательства; это так называемое *Dziękuję nie* (*Спасибо, нет*): *Dziękuję za dobre chęci, ale...* (*Спасибо за готовность помочь, но...*); *Dziękuję, muszę to zrobić sama* (*Спасибо, но я должна это сделать самостоятельно*). Надо сказать, что поляки, как правило, выражают благодарность охотно и часто.

Оказывается, что в этих границах существуют различия между польской и русской культурой, польской и русской стратегиями общения. Русские более сдержанны в выражении благодарности, они благодарят лишь «за дело». Поэтому не принято употреблять многочисленные интенсификаторы, не принято быть в подобных ситуациях многословным. Как отмечает Т.В. Ларина, они *выражают благодарность сдержаннее, короче, и главным образом тогда, когда имеется объект благодарности* [8].

Следует подчеркнуть, что польское *przepraszam* (*извините*) принадлежит также к арсеналу магических слов, так как обладает силой преодолеть конфликты в общественной коммуникативной сфере. Именно магическим воздействием можно объяснить наличие многочисленных сфер употребления этого оборота вежливости. В первую очередь, это сугубо конвенциональное употребление, которое не сопровождается, как правило, ни подлинными эмоциями, ни искренностью. Зная, что от нас ожидаются извинения, мы почти автоматически произносим их. Примеры: *przepraszam za kłopot, przepraszam za stracony czas* (*извините за беспокойство, извините меня за потерянное время*).

Когда подчеркиваем наше возмущение, наше несогласие из-за происходящего или сказанного другим: *Przepraszam, ale pozostanę przy swoim zdaniu* (*Извините,*

но я останусь при своем мнении) (мягко выражено несогласие с точкой зрения собеседника), *przepraszam, ale to mnie oburza* (извините, но это приводит меня в возмущение) — смягченный вариант возмущения.

Именно в публичной сфере общения можно выделить некоторые типичные ситуации, которые требуют извинения. Например, в трамвае или автобусе: *przepraszam, proszę zrobić mi miejsce* (извините, мне необходимо сесть); *przepraszam, ale nie mogą stać* (извините, я не могу стоять), *przepraszam, czy to jest wolne miejsce* (извините, это место свободно)? Также на улице, в случае, если мы нуждаемся в информации: *przepraszam, jak dojechać do dworca?* (извините, как доехать до вокзала?) Еще в толпе, если мы нечаянно нарушили чье-либо личное пространство; тогда не сопровождаем слова *Przepraszam* никакими интенсификаторами.

В результате сопоставительного исследования правил речевого этикета не трудно отметить тот факт, что в русской культуре извинения привносятся намного реже. Также собственный опыт подтверждает факт, что в русской культуре извинение в гораздо меньшей степени является благодарным жестом, его скорее воспринимают как признание своей вины [8].

И в польской, и в русской культуре извинения являются нередко особенными императивами, выступающими, как правило, в функции побуждения (разве в польском языке это императив?) с целью поменять отношение адресата к адресанту; это заодно скрытая просьба [8].

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ПОЛЬСКИМ И РУССКИМ РЕЧЕВЫМ ЭТИКЕТОМ

Суммируя, я бы предложила краткое сопоставление отобранных различий между польским и русским речевым этикетом. Используя результаты исследований Т.В. Лариной [8], знания об английских стратегиях коммуникативного поведения. Это мотивировано убеждением относительно того, что польские нормы вежливого языкового поведения занимают среднее положение между русской эмоциональностью и английской сдержанностью.

1. Русский этикет отображает отношение к человеку — участнику коммуникативного акта как к ценностному приоритету. В польской культуре наблюдается уважение к человеку, но главным образом — как к личности.

2. Для русских характерно пристрастие к подлинному общению, в котором ценится не форма, а содержание, *взаимодействие человеческого тепла* и в связи с этим, — отрицательное отношение к бессодержательной болтовне [8]. В польской действительности легко обнаружить «серединное место» между русскими и английскими правилами. Пустая болтовня, т.е. — *small talk*, как коммуникативная стратегия, допускается в ситуации, когда сказать нечего или же мы хотим прикрыть бессодержательностью наши потаенные мысли и мнения.

3. Типичной для русской стратегии вежливости является в коммуникации ориентированность на содержание и вместе с тем, — часто произвольное отношение к форме высказывания. В польской коммуникативной культуре форма трактуется обычно как один из факторов, решающих для успешной коммуникации.

4. Русское общение эмоционально, причем особенно ценится проявление положительных эмоций. В польском исполнении оно более сдержанно, а бесконтрольное проявление эмоций, причем негативных, — типично для политического дискурса.

5. В русском словоупотреблении лишь воздейственной магической силой обладают *proszę, dziękuję, przepraszam* — это семантические единицы, которые обладают силой сглаживать противоречия и конфликты.

6. Русские обычно не соблюдают дистанцию, считая нормой общение на достаточно близком расстоянии (у латиноамериканцев оно еще ближе, поэтому превосходную степень здесь лучше не употреблять). Как свидетельствует Т.В. Ларина, *русские... настолько толерантны к прикосновениям (на улице, в транспорте, в магазине), что в подобных ситуациях не всегда считают необходимым извиниться* [8]. Типичной для польских коммуникативных актов является умеренная стратегия дистанцирования. Здесь недопустимо сокращение дистанции в прямом смысле этого термина. Норма требует соблюдения дистанции, которая меньше английской, но больше русской. У нас считается, что в этом плане лучше преувеличить, чем «не соблюдать». Русским типично «чувство локтя»; они толерантны к прикосновениям и часто сокращают дистанцию, даже общаясь с малознакомыми или незнакомыми. Поляки привыкли соблюдать расстояние; оно, правда, значительно меньше, чем в английской культуре общения, но значительно больше, чем в русской.

7. Для русской культуры общения характерна неулыбчивость в противовес английской. Польская норма и здесь проявляет свой срединный характер. Хотя поляки не очень готовы улыбаться незнакомым в разных ситуациях возможного контактирования, но, с другой стороны, отмечается и тот факт, что улыбка в межлическом, в том числе — формальном общении, располагает к собеседнику.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благодаря динамическому развитию лингвопрагматики извечная проблема «языковой вежливости» стала не только вновь открытой, но и активно изучаемой [10].

Углубляясь в сложнейшие вопросы речевого этикета, тем более — в сравнительном плане, мы еще раз убеждаемся в том, что проблематика приемлемых, культурно обоснованных стратегий вежливости, составляет не только сложную, но и динамическую структуру. Из-за этих обстоятельств ее изучение имеет актуальное значение, что, кстати, мотивировано и прагматическими соображениями. Как можно полагать, не подлежит сомнению тот факт, что обоюдное соблюдение правил речевого (и неречевого) этикета во многом определяет успешность актов любой коммуникации и особенно — межкультурной.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Изд. 2. М., 1997. С. 9 и др.
- [2] *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. Изд. Языки славянских культур. М., 2009. С. 81—82.
- [3] *Rotfeld A.D., Torkunow A.W.* Białe plamy, czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918—2008). Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, Warszawa, 2010.
- [4] *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963 / Под ред. В.П. Руднева // Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999. С. 84 (о диалогическом слове).
- [5] *Marcjanik M.* Grzeczność w komunikacji językowej. Wyd. Naukowe PWN, Warszawa, 2007. С. 47.
- [6] *Masłowska E.* Proszę, dziękuję, przepraszam. „Język a kultura. Tom 6. Polska etykieta językowa”. Изд. Wiedza o kulturze. Ред. Janusz Anusiewicz i Małgorzata Marcjanik. С. 81.
- [7] *Kominek A.* Funkcje grzecznościowe proszę we współczesnej polszczyźnie. „Język a kultura...”. С. 93.
- [8] *Ларина Т.В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Изд. Российского университета дружбы народов, 2003.
- [9] *Pease A.* Język ciała. Jak czytać myśli ludzi z ich gestów. Warszawa: Изд. Gemini, 1992. С. 25—32.
- [10] *Tomiczek E.* Z badań nad istotą grzeczności językowej // „Język a kultura. T. 6. С. 15—25.

INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE LIGHT OF POLISH AND RUSSIAN VERBAL ETIQUETTE

Joanna Korzeniewska-Berczyńska

Department of Russian Language
WSZECHICA POLSKA University in Warsaw
Pl. Defilad 1, Warsaw, Poland, 00-901

The question of effectiveness of intercultural dialogue is directly connected with the question of fortunateness of communication. Hence the need to have knowledge of the norms of linguistic behavior which are binding in a given culture.

The aim of this article is to analyze Polish and Russian forms of address, greetings and farewells, as well as typical acts of communication, such as requests, thanks, or the ritual of making apologies.

The use of appropriate, conventionalized forms of verbal etiquette is a basic condition of the fortunateness of acts of communication.

Key words: Culture of communication, norms of verbal behavior, forms of address, typical acts of speech, acts of communication, Polish individualism, Polish “individualist” politeness, national character, mentality, axiological fundamentalism, addressee, sender, collegiality, communicating strategy.

REFERENCES

- [1] Kostomarov W.G. Jazykovej vkus epochi. Iz nabludienij nad rečevoj praktikoj mass-mewdija. Izdanije vtoroje Afinckij Institut imieni Puškina. Moskva. P. 5—304. 1997.
- [2] Larina T.V. 2009, Kategoria viežlivosti i stil komunikacji. Sopostavlenije anglijskich i russkich lingvokulturnych tradicij. Izdanije Jazyki slawianskich kultur, Moskva. P 5—507.

- [3] Białe plamy, czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918—2008). Adam D. Rotfeld i Anatolij W. Torkunov (ed.). Izdanie Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, Warszawa 2010. P 5—907.
- [4] Bachtin M.M. 1963. Problemy poetyki Dostojewskiego, Moskwa.
- [5] Marzjanik Małgorzata 2007. Grzeczność w komunikacji językowej. Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa. P. 5—167.
- [6] Masłowska Ewa 1992. Proszę, dziękuję, przepraszam. Izdanie Wiedza o kulturze// In J. Anusiewicz i Małgorzata Marcjanik (ed.), Język a kultura, tom 6, Polska etykieta językowa. Wrocław. P. 9—141.
- [7] Kominek Andrzej 1992. Funkcje grzecznościowe proszę we współczesnej polszczyźnie // In J. Anusiewicz i M. Marcjanik (ed.), Język a kultura, tom 6. Polska etykieta językowa. P. 9—141.
- [8] Larina T.V. 2003. Kategoria wieźlivosti v anglijskoj i ruskoj kommunikativnych kulturach. Izdanie Rossijskogo universiteta Družby Narodov, Moskva. P. 5—260.